

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9(1)
2022

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Д.К. Нечевин — Анатомия фашизма и социальная необходимость его разоблачения: память нужна живым ... 4

О.В. Головашина — Факт и цифра: станут ли цифровые методы новой теорией исторической эпистемологии? 31

ХРОНИКА ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

М.Ю. Сергомасов, Г.В. Казанцева, Б.В. Басов — Коломна — город трудовой доблести: вклад в Великую Победу 44

ИСТОРИОГРАФИЯ

К.В. Самохин — Методологические особенности модернизационной концепции на примере духовной модернизации российского социума начала XX в. 54

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ.

Н.А. Жиров — Социально-экономическое развитие территории бывшей Белгородской черты по материалам «Экономических примечаний» к планам Генерального межевания Елецкого уезда Орловской губернии 76

М.Б. Щавелева — Тенденции роста и социально-сословный состав населения Арзамасского уезда (1779—1860 гг.) 85

Чэнь Пэйцзюнь, Т.С. Садова — Без «китайских сказок»: образ Китая в полемических текстах Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа). К 245-летию со дня рождения Н.Я. Бичурина 93

Выходит
с 1926 года
ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

И.С. Менщиков, Т.Г. Павлуцких — Реформы графа Киселева и картофельные бунты 1841—1843 гг.	99
А.Е. Перебейнос, Т.Г. Пташко, В.С. Цилицкий, А.Г. Мулюкова, Е.Ф. Павленко — Изменения в повседневной жизни рабочей молодежи Урала во второй половине XIX — начале XX в.	113
Е.Е. Красноженова, В.К. Хазов — Повседневная жизнь детей и подростков в условиях оккупации: на материалах Ленинградской области (1941—1944 гг.)	121

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

А.Д. Афанасьев, М.В. Шатохин, А.Н. Кураев, А.А. Белостоцкий, А.А. Хоконов — Частное предпринимательство в СССР в 1930-е — 1950-е гг.	133
--	-----

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

А.С. Столетова — Литературно-идеологическое сопротивление 1950-х — 1960-х гг. (на примере писательских связей и творчества А.Я. Яшина)	138
Пу Аньюань, Чжан Лэй (автор, ответственный за переписку) — Искусство и преподавательская деятельность русского художника-иммигранта М.Ф. Домрачева в Китае.	155
П. Морару, Ю. Неагош — Аспекты эмиграции из Румынии в Америку в 1918—1940 гг. Сравнительное исследование: Трансильвания и Бессарабия	166

ИСТОРИЯ И ПРАВО

Л.И. Беляева — Роль К.В. Рукавишника в формировании отечественной школы перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей	182
Ю.В. Трунцевский, А.В. Шмонин — История криминологических исследований в деятельности Государственного института по изучению преступности и преступника и Иркутского кабинета в 1920-х гг.	190

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И DATA SCIENCE

Е.В. Мартыненко, Э.Э. Гэнэн, Е.О. Попова — Формирование ограничительных мероприятий в сети Интернет в Китайской Народной Республике	198
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

- Юй Цзе** — Великий шелковый путь и исторические сюжеты в поэзии эпохи династии Тан 210
- Ван Чэньюй** — Историко-сравнительное исследование традиционных и инновационных тенденций в музыкальной культуре России и Китая 219

СООБЩЕНИЯ

- Омер Валид Хархуш, Зейяд Овайд Сувадан** — Военные и политические органы власти Ассирийского государства в Ашдодской области 240
- Хуссейн Халид Абдалла Алтерифи, Эльнур Мохамед Абдалла Абдельрахим** — Абьей: территориальный спор между Суданом и Южным Суданом 249
- В.В. Перская, Д.Е. Морковкин, А.Л. Чупин, Л.И. Хомякова, М.М. Басова** — Концептуальные основы развития теории ESG в преломлении к российскому бизнесу 256
- Ай Лихуа** — К вопросу об этапах распространения традиционной китайской медицины в России 271

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Ван Юе** — Преподавание русского языка в Новом Китае: история и перспективы развития, анализ проблем 279

Литературно-идеологическое сопротивление 1950-х — 1960-х гг. (на примере писательских связей и творчества А. Я. Яшина)

А. С. Столетова

Аннотация. В статье на основе личных документов и писем из фонда Российской государственной библиотеки раскрывается проблема выстраивания позиции литературно-идеологического сопротивления, формирующегося вопреки позиции властных структур, а также относительно содержания, методов, приемов передачи и интерпретации сюжетов художественных произведений. Одними из первых с остросоциальным творчеством и трансляцией злободневных явлений жизни 1950-х — 1960-х гг. выступили такие авторы, как А. Я. Яшин, В. В. Овечкин, А. И. Солженицын, В. И. Белов и др. «Оттепель» в искусстве и цензурные маневры определили возможность выхода их сочинений и публицистики в печать. В настоящей статье демонстрируется складывание литературного круга и формирование писательского поля вокруг фигуры А. Я. Яшина, творчество которого было подвергнуто идеологическим проработкам.

Ключевые слова: художественная литература, писатель, идеология, литературная репутация, социалистический реализм, деревенская проза, трансформация сознания, общественное самосознание, советская действительность.

Abstract. The article, based on personal documents and letters collected in the stock of the Russian State Library, reveals the problem of building a position of literary and ideological resistance, which is formed contrary to the position of power structures, as well as regarding the content, methods, methods of transmission and interpretation of the plots of works of art. It is established that one of the first with acute social creativity and broadcasting of topical phenomena of life in the 1950s-1960s appeared such authors as A. Ya. Yashin, V. V. Ovechkin, A. I. Solzhenitsyn, V. I. Belov, and others. The “thaw” in art and censorship maneuvers made it possible for their writings and journalism to be published. This article demonstrates the formation of the literary circle and the formation of the writer’s field around the figure of the writer Yashin, whose work was subjected to ideological studies.

Key words: fiction, writer, ideology, literary reputation, socialist realism, rural prose, transformation of consciousness, public consciousness, Soviet reality.

Середина XX в. — период глубоких трансформационных процессов в советской действительности, а следовательно, и качественных сдвигов в ментальности, изменений в народных идеалах, стимулах и стратегиях поведения. В 1950-е — 1960-е гг. отдельные писатели, наблюдая за развитием социально-экономической сферы и политической ситуации, стремились рассказать о них правдиво, без прикрас. Писали они совершен-

но в другом ключе, изображали картину жизни иначе, нежели рисовали ее политики. Особенно ярко этот контраст проявился в представлениях о жизни деревни. Обнаружение и показ кризисных явлений в традиционном крестьянском укладе социальной реальности середины XX в. знаменовали собой качественно новый уровень общественного самосознания авторов. Среди них нельзя не назвать имена А. Я. Яшина, В. В. Овечкина, Ф. А. Абрамова, В. И. Белова. При этом, как справедливо отмечал А. И. Солженицын, именно Яшин стоял в ряду предтеч грядущих изменений в жизни общества. О яшинском слове как об одном из востребованных и актуальных после революционных бурь 1990-х упоминал поэт, член Союза писателей России И. А. Белозерцев ¹.

Вопрос установления ролевой позиции и литературной репутации А. Я. Яшина в культуре XX в. поднимался много раз в работах литературоведов, библиотековедов, филологов и историков ². В историографии имеется множество воспоминаний, печатных материалов критиков и корреспондентов, помещенных в периодические издания, заметок земляков, в которых фигурируют имя и заслуги литератора. Исследованием личности Яшина занимались В. А. Оботуров ³, В. Н. Бараков ⁴ и др. Однако в стороне от комплексного изучения остался вопрос трансформации самосознания писателя, в том числе изменения взаимопредставлений, отношения к государственным инициативам со стороны его ближайшего окружения, когорты литераторов, друзей, единомышленников. Неоценимая поддержка идейных сподвижников Яшина проявилась во время идеологического нажима власти.

А. Я. Яшин — автор и мыслитель, обладавший высоким авторитетом среди писателей-деревенщиков. И не только для тех, кто родился, жил и работал на территории Русского Севера. Своим личным примером прозаик задал тон литературному направлению по описанию жизни деревни, являлся отцом и основателем литкружков и литературных организаций (Архангельск, 1935 г.; Вологда, 1961 г.). С 1950 г. Яшин приобрел всеобщую известность. Его личный архив писем отличался масштабностью, широтой адресатов. Именно тогда писатель получил сталинскую премию за повесть в стихах «Алена Фомина». Среди тех, кто ценил личность Яшина, — писатели К. М. Симонов, М. М. Пришвин, В. Ф. Тендряков, С. В. Викулов, В. В. Овечкин, Н. М. Рубцов, А. И. Солженицын и др. Поэт А. А. Романов, связанный дружескими узами с Яшиным, посвятил ему поэму «Художники» ⁵. Викулов, комментируя взаимоотношения с литератором, свидетельствовал: «С Александром Яковлевичем меня связывала большая и довольно продолжительная дружба. Ему я обязан и первой московской книгой стихов, и вступлением в Союз писателей» ⁶.

Столетова Анна Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории ФГБОУ ВО «Вологодская ГМХА»; доцент кафедры отечественной истории Института социальных и гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет». E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru.

Stoletova Anna S. — candidate of historical sciences, associate professor of philosophy and history FSBEI of HE Vologda SDF; associate professor of the Department of national history of the Institute of Social and Human Sciences, FGBOU of HE “Vologda State University”. E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru.

С середины XX в. Яшин обратился к проблематике, связанной с критикой существующей власти. Общественные преобразования побудили автора к обличению партийно-бюрократического уклада жизни, что отразилось в рассказе «Рычаги», опубликованном в «Литературной Москве» в 1956 г.⁷ О встрече с Александром Яшиным в Доме Союза писателей вспоминал его сокурсник по Никольскому педтехникуму А. Борисов. «Меня прорабатывают за “Рычаги”. <...> Привет всем нашим», — делился с другом юности писатель⁸. Некоторые из писателей высоко оценивали рассказ «Рычаги» в разговоре с самим автором, но за глаза порочили его перед общественностью. Были и такие, кто открыто называл рассказ антисоветским или просто отворачивался. На пленуме Московского отделения Союза советских писателей Т. Семушкин, встретив Яшина до рассмотрения произведения, восклицал: «Саша! Молодец! Смело написал», а на обсуждении обвинял: «Яшин сгустил краски, много взял черной. Его “Рычаги” — злобная клевета на партию»⁹. Иные писатели выступили в защиту. «Автор “Рычагов” навсегда останется в русской литературе, те рычаги кое-что повернули», — признавался в письме Яшину Солженицын¹⁰. В.М. Померанцев подчеркивал: «“Рычаги” сразу стали нарицательным словом. Все последующее, что просачивалось о нашем духовном двоедушии в книги, поразить уже не могло»¹¹. Е. Евтушенко заострял внимание на том, что «Рычаги» — это выступление в защиту поправленного русского крестьянства¹².

В декабре 1962 г. в «Новом мире», в номере 12, была опубликована резонансная повесть Яшина «Вологодская свадьба», поднявшая острые вопросы социального, хозяйственного и нравственного мироустройства¹³. Цензурные притеснения были усилены. В прессе были опубликованы сфабрикованные письма земляков и разгромные рецензии литературных критиков¹⁴. В марте 1963 г. не состоялся юбилей Яшина, творческий вечер был запрещен, передача по радио снята с эфира. Товарищи из Никольского района не знали, можно ли жать руку поэту. Закрылись и двери издательств, редакций. Кандидатура писателя обсуждалась на партсобраниях. Об этом же отзыв К.И. Конищева в письме от 6 февраля 1964 г.: «Ну, браток-земляк, ты меня удивил, что было запрещено тебя чествовать в Доме литераторов, а М. Светлову на радио. В журналах и газетах о тебе напомнили сносно»¹⁵. В письме от 2 ноября 1964 г., адресованном Овечкину, Александр Яковлевич сетовал: «Когда мне исполнилось 50 — друзья многое готовили. Светлов съездил в студию, записал свое вступительное слово, но был запрещен даже творческий вечер в ЦДЛ [Центральный дом литераторов]. И все, якобы, из-за “Вологодской свадьбы”. Это для меня оказалось настоящей травлей»¹⁶. Обида оказалась настолько сильной, что 17 октября 1965 г. Яшин вновь упоминал: «Я чувствую себя очень слабым человеком и порою мелким, потому что до сих пор не могу перенести оскорбления, нанесенного мне, когда мне исполнилось 50. Когда меня ругают, я не могу писать»¹⁷.

Не дали сломаться, подставили дружеское плечо коллеги, мировоззренчески близкие к идеям, транслируемым Яшиным в своем творчестве. Особой проникновенностью отличается письмо от поэта С.П. Щипачева, написанное 26 марта 1963 г.: «Милый Саша! Хочется сказать тебе что-то очень хорошее, сердечное. Но в таких случаях все слова как-то вдруг

бледнеют и теряют свою выразительность. Но скажу прямо. Я люблю тебя и глубоко уважаю. Я всегда чувствую в тебе, в твоём характере что-то присущее меня. Это, вероятно, некий сплав прямоты и застенчивости, ума и своеобразной наивности, целомудренной скрытности и просто-душной непосредственности. Крепко тебя обнимаю. За все: за хорошую умную прозу и за чудесные яшинские стихи. А на житейские горести — плюнь. Радости у нас еще будут. Поверь моему пророчеству»¹⁸. Моральная поддержка способствовала появлению второго дыхания, дальнейшему открытию возможностей остро реагировать на реалии бытия. Писатель и его окружение многое переосмыслили, устремляясь, по определению А. Куваева, «на самые горячие участки жизни»¹⁹.

«Я слишком много стал понимать и видеть и ни с чем не могу примириться», — записал однажды Яшин в дневнике. Богатство власть имущих и бедность простых смертных, обман и несправедливость, издевательство чиновников над Россией... Как же все это знакомо русскому писателю! Как отмечал Бараков, Яшин на пике своей творческой жизни уже не питал никаких иллюзий. В рассказ «Первое путешествие Маринки» (1961) он включил разговор двух чиновников: «Главное же, чтобы свои люди не думали, что их обманывают. Свои люди не должны так думать. Для этого существует система политического воспитания, институт агитации и пропаганды»²⁰. Правдоискательство как черта народного характера демонстрируется в повести «Выскачка» (1961). Множество сатирических красок обнаруживается в повести «Сирота» (1962). В целом проза Александра Яшина 1960-х гг. наполнена болью за людей и глубокой заинтересованностью в развитии умирающей северной деревни, ее многовекового уклада и традиций. В небольшом рассказе «Старый валенок» (1962) пожилой одинокий колхозник изливает наболевшее единственному живому существу — коту: «Сколько раз наш колхоз укрупняли, разукрупняли — как душе не болеть. Земля стала невыгодной, лес наступает на сенокосы, на пашни...»²¹

Несмотря на «оттепель» 1950-х — 1960-х гг., далеко не всем авторам удавалось опубликовать свои труды без цензурных правок. В 1962 г. Видулов писал: «Вычитал верстку первой книги стихов В.В. Коротаяева “Экзампы”. Правда, книжку здорово “кастрировали” здешние церберы (мягко выражаясь), но все-равно она хорошая. Выкинули 12 стихотворений, самых-самых. Ему 23 года. Учится на 4 курсе пединститута. Поступал в Литинститут: тамошние “мудрецы” не приняли. Ну и Бог с ними»²². Чтобы в литературном издании передать первоначальный смысл и замысел произведения, надо было обладать мужественностью и стойкостью. В этом смысле показательна работа писателя-деревенщика Белова и главного редактора литературного журнала «Север» Д.Я. Гусарова, применивших маскировочные маневры при публикации повести «Привычное дело» в 1966 г.²³ При этом тот же Яшин написал много стихотворений «в стол». Социальные, гражданские, философские стихи по условиям цензурного режима не могли быть напечатаны²⁴. Таким образом, писателей, творчество которых критиковалось и подвергалось забвению, объединяли общие творческие и личные невзгоды.

Яшин был не только писателем и публицистом, но и выступал в качестве критика, рецензента и помощника молодых авторов. Безусловно,

начинающие поэты и прозаики мечтали заручиться поддержкой авторитетного литератора, получить рекомендацию для вступления в члены Союза писателей. Нельзя не упомянуть о влиянии Яшина на становление крупных фигур вологодской литературы: Белова, Рубцова, Романова, Коротаева. На родной для прозаика Вологодчине сложилась большая плеяда последователей и почитателей его таланта. Здесь с помощью больших усилий Яшина и Викулова была образована Вологодская писательская организация²⁵. На протяжении долгого времени авторы содействовали и помогали друг другу. Так, 16 июня 1951 г. Яшин сообщал в секретариат Союза советских писателей следующее: «Всячески поддерживаю ходатайство кандидата в члены ССП талантливого молодого вологодского поэта Сергея Викулова о предоставлении ему творческой командировки на строительство канала Волга-Дон и Цимлянского гидроузла. Поездка на стройки коммунизма должна дать ему большой творческий материал и зарядку для общественно-литературной работы в Вологодской литературной организации, которую он возглавляет»²⁶. Вскоре у писателей завязалась крепкая личная дружба. В середине 1950-х гг. Викулов поспешил выразить мнение о нашумевшей яшинской прозе: «Это письмо я собирался написать давно, с тех пор, как началась травля Вашего рассказа “Рычаги”. И, понимаете, не находится слов. Утешать Вас, думалось мне, — бессмысленно, наивно; уверять в том, что я на вашей стороне, наверняка, показаться льстецом. Кто-то по поводу резкой критики “Рычагов” сказал у нас: “Правда глаза колет”. Думается, что в этом суть всего дела. Не понравилось... А “Рычаги” такие — факт. Однако, хочется Вам сказать и следующее. В деревне все же сейчас подует свежий ветерок. Уверять Вас в обратном, значит лгать Вам. Вам, как и всякому пишущему, нужны крылья для полета. И я не хочу обрубать Вам эти крылья. Хочется, чтобы Вы нашли в себе мужество спокойно перенести всю эту перепалку и еще крепче зажали перо в руке. Вам молчать никак нельзя! Вам есть еще что сказать, и Вы можете сказать»²⁷.

20 декабря 1957 г. Викулов с заботой о старшем товарище вновь направляет письмо, в котором констатирует расположенность местной власти к личности Яшина. «Мой разговор в Обкоме по поводу Вашего приезда в Вологду на год состоялся. Как я и ожидал, это намерение Ваше было встречено весьма благоприятно. А.А. Сталь (секретарь Обкома по пропаганде) заверил, что все будет устроено так, как надо, пусть приезжает. Они (т.е. обком) возлагают на Вас большие надежды в смысле оживления литературной жизни в области. Наши ребята (литераторы) сообщение о вашем намерении приехать в Вологду встретили с большим воодушевлением. Около 25 декабря Сталь уже конкретно сообщит, где и какая комната может быть Вам предоставлена. Я думаю, что дадут в новом здании — четырехэтажном, которое сейчас вступает в строй — это здание облпартшколы, в котором комнаты на 1—2 человек», — осведомлял Яшина Викулов²⁸.

Примечательно, что в письмах С. Викулова содержатся отзывы о деревне, в которой он, как и все писатели-деревенщики, любил гостить, участвовать в колхозных делах не только словом, но и делом. Например, в 1956 г. Сергей Викулов информировал Яшина: «В мае — в деревни, в самые различные. Ленинград, кажется, дает мне творческую командировку для этой цели. Хочется в весеннюю страду быть в полях. А интересного

должно быть много. Нам в эту весну дают 2 тысячи новых тракторов, много других машин. Пополнение солидное! Недавно было совещание председателей колхозов. Наслушался всего. И еще больше захотелось поехать! Многие председатели за 1,5—2 года совершили чудеса. Интересно побывать и у них»²⁹. В конце 1957 г. он уточнял: «Сегодня уезжаю в командировку на 15 дней в один замечательный колхоз, думаю и Новый год встретить с колхозниками»³⁰. 6 января 1958 г., вернувшись в Вологду, Викулов вновь поспешил связаться с Яшиным и рассказать о своих положительных впечатлениях о развитии села. «Я, как видите, на Новый год все же оказался дома. Не потому что неинтересно было в колхозе, нет. Наоборот, и люди, и их дела поистине замечательны. 5 млн доход колхоза. По 20 руб. на трудодень получает! Живут замечательно. Одеваются с шиком. У всех часть на руках. В клубе радиола, веселые вечера. Молодежь в колхозе — 90 человек. А 4 года назад в этом колхозе было так: 10 коп. на трудодень и граммы хлеба. Этот колхоз не исключение. Завтра я улетаю в Тарногу — далекий, глухой, район», — писал Сергей Васильевич³¹. Писатель старался отыскать в эволюции деревенского быта благоприятные стороны, но и не заметить противоречивых, пагубных тенденций не мог, так как подобный взгляд не отвечал позициям нравственности, гражданственности и совести. Так, следующее письмо конца 1950-х гг. обнажает следующие реалии бытия: «А.Я.! Посылаю мой отчет о Никольской поездке (г. Никольск, Вологодская область). Пьяный разгул царит в деревнях колхоза “Октябрьская революция”. Председатель этого колхоза товарищ Подольский не стоит в стороне от “проводимой кампании”. “Он, — как сказал один колхозник, — целыми днями в обнимку с мужиками ходит, да на “бурдаша” целуется”. Между тем дела в колхозе идут из рук вон плохо. Да и не только здесь. Многие колхозы района очень мало заготовили торфа и золы, не вывозят навоз, несмотря на то, что людей вполне достаточно. Честные колхозники с возмущением говорят о диком обычае, ставшем в Никольском районе традицией. Они требуют: “Пиво, как и покойника, надо хоронить!”. Не разделавшись с этим пережитком, наносящим огромнейший вред коллективным хозяйствам, нельзя серьезно говорить о выполнении задач, поставленных семилетним планом»³².

4 марта 1962 г. Викулов размышлял о принципах работы и руководстве сельскохозяйственной отраслью. Рассуждения сводились к критике плановых показателей, контрольных цифр, системы работы. «Ездил недавно в Бабаево и Борисово-Суду Вологодской области. Видел один хороший колхоз. И вот что заметил: хороший колхоз есть почти в каждом районе. И хозяином в нем обязательно человек с сильным характером, который имеет мужество плевать на директивы сверху и делать по-своему. И в этом причина успехов колхоза! Вот вам и “руководство” сельским хозяйством. Вывод у меня и у таких председателей таков: самый лучший способ руководить колхозами — это не руководить ими! Да, да! И до тех пор, пока не дадут людям самим распоряжаться своим хозяйством — толку не будет. Об этом я написал статью в “Октябрь”. Но и сильный председатель не всегда в силах выстоять. Например, сейчас. Все будут сеять много кукурузы. В успех не верят, но не сеять нельзя никак. Кое-кто из них с болью в душе подал заявление об освобождении от должности председателя по разным мотивам. А это серьезный сигнал! Не знаю, что

решит пленум, но думаю, что “черта” мы ищем не там, где он прячется», — указывал Викулов³³.

Параллельно с описанием жизни деревни Викулов продолжал удостоверять Яшина о благосклонном со стороны местной власти отношении к его личности и выражать надежду на приезд литератора. В письме от 7 октября 1964 г. он отмечал: «Все мы, ваши друзья и товарищи, сейчас с нетерпением ждем ответа на наше дружеское и искреннее приглашение приехать в Вологду 1—6 декабря, когда в ней соберутся все писатели — земляки вологжан. Смею Вас заверить, что у писателей Вологды, и у читателей, знающих толк в литературе, и у руководства Обкома КПСС к Вам сейчас самое доброе отношение. Секретарем Обкома по идеологии сейчас работает Другов Василий Иванович — бывший секретарь Вологодского райкома — человек вполне добропорядочный, честный, простой, общительный»³⁴.

Деятельность, призывы и убеждения Викулова оказывали большое влияние на Яшина. В свою очередь, сам писатель осознавал свою руководящую роль над земляками. В дневнике 8 января 1967 г. он отметил: «Вечером проводил Сергея Викулова в Москву. Я благословил его на Москву так же, как когда-то благословил на поэзию»³⁵.

Земляком и большим другом Яшина являлся поэт Александр Романов. К Александру Яшину Романов относился как к своему учителю и наставнику. Кроме того, их связывал процесс оживления литературного объединения в Вологодской области. Оба автора всецело, всей душой радели за развитие села. «Сейчас постоянно вспоминаю Ваши слова: “Писать только правду!”». Приложу все свои силы, все, что во мне есть, чтобы писать только так», — писал Романов в письме от 22 октября 1954 г.³⁶ В ответ на публикацию «Рычагов» в письме Яшину от 6 мая 1957 г. Романов откровенничал: «Я, как и мои товарищи, был взволнован и Вашим рассказом “Рычаги” и его обсуждением. Прочитал его сразу же, как только в руки попала “Литературная Москва”. Рассказ произвел на меня сильное впечатление, потому что в нем заложен особый, так редко встречающийся в литературных произведениях заряд. Рассказ поразил прежде всего откровенностью изображения, он правдив по своей сути, верно показывает один из характерных отсталых колхозов Севера и главное — одну из характерных черт многих людей — двуличность. И описание всего этого, столько раз виденное своими глазами, вызывало во мне вновь чувство ожесточенной злости к таким горе-правителям. И тысячу раз, по-моему, не прав критик Друзин, который сказал, что этот рассказ написан бесстрастно, с равнодушием к судьбам людей. Меня раздражает то, что многие критики просто делают карьеру»³⁷.

«Вологодская свадьба» и последовавшее очернительство вызвали эмоциональный всплеск, выразившийся в серии писем Романова в поддержку Яшина. Так, 25 февраля 1963 г. поэт уверял Александра Яковлевича в том, что на родине ситуация постепенно стабилизировалась: «Мне как-то неловко: уж очень Вы благодарите меня. Я отлично понимаю, что, защищая Вас, защищаю прежде всего право чувствовать себя человеком, а не приспособленцем. Без уважения самого себя, действительно, невозможно заниматься литературным делом. У вас очень много настоящих друзей — это говорю с полным основанием. Вот, к слову, на днях я по-

лучил письмо из Новосибирска от Володи Сапожникова (вместе учились на ВЛК), он просит передать Вам восторженный поклон за “Свадьбу”. Да Вы это знаете и сами отлично. В Вологде сейчас, вроде, стихло. Правда, позавчера у нас было отчетное собрание в писательском отделении, там опять говорили о “Свадьбе”, но уже в других тонах. Секретарь обкома А.А. Сталь — театральный, самовлюбленный, заявил так: “Да мы, если хотите, Яшина никому в обиду не дадим!”. Вот какой позерский поворот. Я уверен, что вернуться к старым методам невозможно. Народ чувствует себя раскованней, и в головах, я смотрю, происходит очень много интересного. На писательском собрании, делая доклад, Викулов сказал честно и прямо о Вас, о Вашей многолетней заботе и помощи всем нам, вологжанам. Кроме того, он отослал в “Октябрь” очень критический очерк о положении в деревне, который где-то смыкается со “Свадьбой”. Да, прежде всего — правда! Да, прежде всего — честность! От всей души желаю Вам новых вещей, и новых успехов. С Вами я — до конца!»³⁸

Решительная и дружеская позиция Романова выражена не только в последующих посланиях, но и в конкретной деятельной позиции. Например, в письме от 2 ноября 1964 г. поэт вновь уверял Яшина в его правоте и поддержке со стороны читателей: «Вот пример ограниченности и тупоумия. Когда цензура читала Ваш “Гимн Солнцу”, то красный карандаш поставил большой знак вопроса. В чем дело? Оказывается, по мнению цензуры, эти стихи ошибочно трактуют происхождение человека. Человек произошел от обезьяны. Это еще Дарвин доказал и нечего сейчас Яшину вносить путаницу. Вот до чего можно докатиться! Разумеется, этот кретинизм не так уж трудно опровергнуть, но все равно пришлось опровергать. Дорогой Александр Яковлевич, Вы особо из-за таких “штучек” не нервничайте. Это и подобное исходит от очень мелких людей. Но большинство читателей с кем бы я не разговаривал и раньше, и теперь, большинство о Вас очень высоко отзываются. Все знают, ценят и очень следят за Вашей работой. Это — точно»³⁹. 2 апреля 1965 г. Романов рассказывал Яшину о разговоре с секретарем Вологодского обкома В.И. Друговым относительно сформировавшегося к прозаику отношения на малой родине — в г. Никольске Вологодской области. Итог беседы состоял в том, что необходимо улаживать конфликт с колхозным председателем, а также с представителями райкома. «Звонок из обкома обещали сделать», — констатировал Романов⁴⁰. 4 ноября 1965 г. Романов оповещал, что в Вологде активно продавалась книга Яшина «Босиком по земле»: «Покупали с интересом, с торопливостью, радостью, ожиданием. Эта книга есть и у меня. И она мне показалась такой молодой по духу, устремлению и желанию помочь другим. Крепитесь, Вы так необходимы, пусть Вам легче дышится, тверже ходится, пусть будет Вам хоть чуть полегче на душе. Мне писал Вася Белов. Он сказал: “Чую, что Яшину, наверно, опять худо”. Тревожится»⁴¹. Все последующие письма проникнуты ожиданием приезда, констатации всенародного ожидания автора, а также искренними пожеланиями здоровья. Друзья и соратники Яшина осознавали, что ситуация, возникшая после публикации остросоциальной прозы, отрицательно сказалась на его самочувствии⁴². Тем не менее, оценивая личность Яшина, Романов подчеркивал, что, несмотря на множество забот, ощущалась сильная и решительная рука Александра Яков-

левича на дружбу и помощь. Поэт удостоверял, что «так было со всеми, в ком замечал, как он выражался, божью искру. Не только привезет в Москву понравившиеся ему стихи и добьется публикации, но может пойти в издательство, может ринуться в Союз писателей. Туда напишет, сюда позвонит, чтоб с жильем помогли, с работой, с учебой. Такого бескорыстия, такой душевной щедрости больше видеть не доводилось»⁴³.

Теплая дружба соединяла Яшина с В.В. Овечкиным. Валентин Владимирович стал известен после публикации цикла из пяти очерков, опубликованных в 1952—1956 гг. в журнале «Новый мир» под общим названием «Районные будни». Описание фактов реальной экономической и социальной жизни людей из глубинки стало проявлением коренных сдвигов в общественном сознании, понимании идеологических конструктов бытия. Именно Овечкину Александр Яковлевич доверял свои переживания в связи с забвением, от него ждал взаимопомощи и дружеской поддержки. Так, 23 сентября 1957 г. Яшин писал Овечкину: «Чтобы ты не подумал плохо о моем молчании, скажу только одно: я жил, думая о тебе, постоянно опирался на твою силу, на твою душу, брал за образец для себя твое служение большой нашей правде и справедливости. Очень часто, когда мне приходилось попадать в условия, требовавшие выдержки, выносливости, крепости духа, я старался представить себе, как бы ты себя вел в каждом отдельном подобном случае. Вспоминаю, что я рассказывал тебе об увиденном мною, словно сделал какие-то открытия. А, оказывается, у тебя все это уже есть, все пережито раньше, чем я пережил. Сейчас я все время чувствую тебя за своей спиной, как старшего товарища, советчика и большого друга»⁴⁴.

Кроме того, каждое послание в переписке авторов проникнуто словами любви, переживаниями о здоровье (которое у обоих было шатким), проявлением тесной духовной связи. 12 июля 1962 г. Овечкин писал: «Дорогой Саша! От души поздравляю с прекрасной повестью! Начал читать со страхом. Неужели, думаю, еще один впал в детство? Воспоминания о родной деревне, бабушках, дядюшках, леших, дурачках, вроде воспоминаний Н. Рыленкова в “Знамени”. Дальше, больше — нет, совсем другое... Здорово! Много сказал ты этой вещию, и для разного читателя, и для взрослых, и для юношей. Тонко написал. Без нравоучительства, не навязчиво, очень лаконично, и просто — художественно. За много времени попалась-таки в журналах по-настоящему хорошая вещь. Жаль, что не в “Новый мир” дал. Или, может, давал, да наши ценители отклонили?»⁴⁵. В ответном письме Александра Яковлевича от 17 июля 1962 г. отмечено: «Одобрение твое для меня было очень дорого! Более того, я думаю, что может быть, ты и напишешь первый о этой моей повести. Как это было бы хорошо, если бы ты написал первый, а не какой-нибудь. В “Новый мир” я, конечно, давал и “Сироту”, и другую повесть “Выскачку”. Твое публичное одобрение помогло бы мне. А то отношение ко мне все еще недоброе, из-за чего я и работаю не в полную силу и не могу никак выбраться из душевного кризиса. Может быть, и “Роман-газета” заинтересовались бы “Сиротой”»⁴⁶.

Усугубление идеологической ситуации вызвало появление следующей записи. 2 ноября 1964 г. на обороте письма, адресованного Овечкину, значится: «Самое страшное — когда опускаются руки и писать не хочет-

ся — ничего не хочется»⁴⁷. В письме Овечкину от 1 мая 1965 г., чувствуя тяжесть, прозаик писал: «Таких настоящих писем я от тебя еще не получал. Только от Фёдора Абрамова. И все потому, что не пишется, познал отчаянье. Ленивым? Я раньше себя никогда не слушал — значит, либо постарел слишком быстро, либо потерял всякую веру в литературу и интерес что-то делать. А ради одних денег жить уже не могу. Из-за этого — заметный кризис, и уехать даже в свои края не могу. Нельзя же бросать семью ни с чем. В общем кругу в том самом чертовом колесе, в котором издавна пребывает наше сельское хозяйство»⁴⁸. При этом, несмотря на тяжесть своего положения и учащающееся проявление болезни, Александр Яковлевич старался оказать поддержку товарищу. «Сразу же после заседания покажу твое письмо кое-где, ну в Союзе, а то еще лучше сначала Железняковой Анне Павловне, с которой свела судьба на собеседовании у Демичева, куда был приглашен и я. Она, кажется, не будет ругаться. У Демичева сидели писатели. Интересуются деревенской темой: С. Михалков, В. Кочетов, М. Бубенков, А. Софронов, М. Алексеев, В. Гендряков, С. Викулов, С. Шуртаков, В. Фёдоров, Е. Потовкин и др. Общая атмосфера была очень хорошая и доброжелательная, ничего похожего на встречи с Н.С. Хрущёвым. Важно, что все было тихо, деликатно, с добром. Я поговорю о тебе сначала с Железняковой. Поведаю, что-нибудь обязательно», — сообщал Яшин Овечкину 1 мая 1965 г.⁴⁹ 17 октября 1965 г. Яшин делился с другом новостью о публикации рассказа «Угощаю рябиной» в шестом номере «Нового мира»: «В нем был у меня абзац о тебе — о том, что ты в Ташкенте тоже тоскуешь по своей рябине и, может быть, поэтому и болеешь. Сняли этот абзац. Сказали — неудобно. Он — член редколлегии, да и не из-за рябины он болеет. Зато о тебе все чаще и чаще очень хорошо пишут, даже Г. Радов в своей подхалимской “Оде районникам” рассыпался перед тобой. Когда тебя хвалят — мне всегда нравится»⁵⁰.

Духовные искания и творческий кризис прозаика усугублялись чередой ситуаций, свидетельствовавших о забвении автора. 13 ноября 1965 г. Яшин сообщал Овечкину о своих новых творческих неудачах: «В “Новом мире” Ася Берзер и новый заведующий отделом прозы опять забраковали у меня одну вещицу — рассказ “Подруженька”. А до этого Асечка зарезала повесть “Астму”. Согласен, я ее буду переписывать. А с “Подруженькой” — думаю, они ошиблись. Рассказ готов и верно — хороший. Другие товарищи, говорят, даже, что отличный. Ну, напечатаю в другом месте»⁵¹.

В письмах Яшина часто фигурирует знаковое место — «Бобришный Угор», где в 1962 г. была построена охотничья деревушка писателя. Сюда он приезжал за вдохновением и отдыхом, а также приглашал самых близких друзей. «Я тебя уже в 1958 году зазывал к себе в гости, в Вологодскую область. Я в тебя жадно и по-хорошему влюблен. Сейчас буду звать снова. Поставили мне на Бобришном Угоре в Никольском районе на высоком берегу реки избушку, в которой можно жить, Сосновый бор и река, охота и рыба, и в близости от деревни моей, Блуднова, 1,5 км. Еще новоселья не было, т.е. “влазин”. Не хочешь ли поехать со мной на влазины? Я бы и из больницы сбежал, ничего не случится! Расходы маленькие: железнодорожный билет 10 руб. и самолет 4 руб. Я бы за тобой ухаживать стал, как

за каким-нибудь королем или принцем заэкваториальным»⁵², — писал Яшин Овечкину 17 июля 1962 г.

4 мая 1967 г., находясь в г. Кисловодске, Яшин составил новое послание с тем же предложением: «А как же с моим Бобришным Угором? Я ведь серьезно приглашаю тебя туда ко мне. Там сосняк, река, озера — охота, рыба. Там здоровье для нас обоих — особенно для тебя. А что, если бы тебе полечить сначала сердце в Кисловодске, а потом уже ко мне? Друг мой, отнесись серьезно к этому письму, поедем, проживем лето у меня в деревнях и на Бобришном Угоре. У меня отказал желудок, потом появилось кровотечение и это очень страшно. Прожили бы мы легко, в основном за счет охоты и на подножном корму. “Правда” обещает мне длительную командировку. Может быть, и ты бы для них что-нибудь написал. Мы бы с тобой не ссорились. Ах, кабы ты смог! В Москве у меня сейчас есть отдельная кооперативная комната (на имя дочери), живу в ней я. Ты бы мог пожить со мной пока, а потом — одна ночь (9—10 часов) в поезде. 45 мин. в самолете и мы — в раю. Нельзя тебе больше оставаться в Ташкенте на лето, в жару, поверь, нельзя»⁵³. В ноябре 1967 г. Яшин вновь извещал Овечкина об ухудшении здоровья: «Я опять в больнице. На этот раз — экзема, зуд. Отвратительно. Даже писать тебе не о чем. Познакомился с Солженицыным. Его следует читать, есть что, есть за что»⁵⁴.

Необыкновенные качества сочетались в Яшине. В тяжелые минуты своей жизни он не забывал о земляках, стремился помочь им получить путевку в большую литературу. Примечательна запись из дневника Яшина о помощи Белову и Рубцову от 11 февраля 1964 г.: «Удалось устроить Васе Белову деньги в “Новом мире” за непошедшие рассказы. Мне самому очень приятно, что удалось поддержать парня. Как и Рубцова!»⁵⁵ В письме поэту Романову от 4 апреля 1965 г. Яшин писал: «Васю Белова слушайте и даже слушайтесь (простите меня за откровенные поучения). Помните: это очень большой талант, большой писатель и умница. Это редкий человек! И никакая дурь ему никогда в голову не ударит, он — сила»⁵⁶. В письме Овечкину от 17 октября 1965 г. Яшин рассказывал: «Может быть, хоть зимой поездим по вологодским местам. Там ныне живет один удивительный прозаик Василий Белов — можем погостить и у него в деревне»⁵⁷.

В личных контактах с Василием Беловым основатель вологодского литературного движения настойчиво советовал писать прозу⁵⁸. «Белов умеет находить нужные слова. Далеко он пойдет», — высказывался Яшин⁵⁹. Впоследствии Александр Яковлевич дал обстоятельный отзыв на творчество Белова для вступления последнего в Союз писателей. А в одном из писем к Василию Ивановичу он, убеждая, настаивал: «Очень тебя прошу, отнесись серьезно к своему большому таланту, безграничным своим возможностям, береги здоровье и не теряй времени на чепуху, на мелкие, жалкие удовольствия. Сиди, броди, мучайся — и почаще призывай себя к столу. Любой талант без постоянной и упорной усидчивости — ничто»⁶⁰.

Публикация повести «Привычное дело» Белова в 1966 г. продолжила традицию обращения авторов из литературного круга Яшина к описанию и трактовке злободневных явлений жизни. Рассматривая содержа-

ние произведения, Александр Яковлевич отзывался о нем как об одном из лучших образцов великой русской литературы. Яшин признавался: «Я очень счастлив, что с самого начала не ошибся в тебе, что с самого начала и как-то сразу почувствовал тебя, твою силу и оказался (верно же!) почти “провидцем”»⁶¹. 22 марта 1966 г. Александр Яковлевич отмечал: «У Белова в Тимонихе перечитал “Привычное дело” вторично. Ростом Вася с ноготок, а талант дай Боже! А он говорит: “Если бы не Вы, меня не было бы, многих не было бы. Вы дело большое сделали и делаете. Апостолы, как вы, нужны многим”»⁶². Василий Белов отвечал глубокой признательностью, уважением, чуткостью. 24 мая 1968 г., выражая слова поддержки смертельно больному Яшину, Белов писал: «Душа у меня болит... Всей душой я там, с Вами, даже по ночам часто просыпаюсь от ощущения, что ты страдаешь... Обнимаю нежно». 17 июня в одном из последних писем он вновь подбадривал своего наставника: «Глубоко верю в твою силу и мужество. Держись несмотря ни на что»⁶³. Впоследствии именно Василий Белов и представитель Вологодского обкома партии В. Т. Невзоров способствовали исполнению воли поэта очутиться на родине и быть похороненным на Бобришном Угоре⁶⁴.

Говоря об итогах прохождения Яшиным идеологической проработки и давления, нельзя не отметить роль читательской поддержки. Примечательно, что отклики в ответ на порицание автора властью появились практически сразу. География направляемых и поступающих в адрес литератора писем, весьма внушительна. Восприятие произведений вызывало у многих читателей желание высказать солидарность. В рассматриваемый период писатель воспринимался людьми в роли народного заступника, человека, которому можно высказать боль, рассказать о сложностях жизни, дать идеи для сюжетов новых книг. Так, неравнодушный читатель 30 марта 1955 г. писал: «Уважаемый товарищ Яшин! С большим вниманием ознакомился я с Вашими страстными, исключительно принципиальными выступлениями на Втором съезде советских писателей и с опубликованной ранее в “Литературной газете” Вашей статьей о целине. Полностью разделяю Ваши взгляды и поэтому обращаюсь к Вам. Пожалуйста, взгляните, как мы ведем сельское хозяйство. Я инженер-конструктор ленинградской партийной организации, направлен в КФССР на работу в МТС. Здесь я сменил более опытного, всеми уважаемого механика, который до сих пор работал в моем подчинении, а теперь сокращен, как и многие механики в Карелии. А дела в МТС не улучшаются. Когда-то в здешних краях было вдоволь всего, и колхозы были богатыми. А теперь наша Тунгудская МТС, где всего 7 тракторов, 9 трактористов, один директор, один главный агроном, еще 3 человека “главных”. МТС, где всего 2 000 га мягкой пахоты — производит (точнее, произвела в 1954 г.): зерно — по 5 руб. 93 коп. (6 руб. — на бумаге), картофель — по 2 руб. за кг, молоко — по 14 руб. 27 коп. за литр. В других МТС цифры имеют сходный порядок. Как же мы исправляем положение? Нужно навести порядок буквально во всем: начиная с планирования и кончая снабжением МТС запчастями. Нужно строить, а мы ничего не строим. Иначе разве допустили бы такого положения, когда в нашу МТС, в которой еще нет электроэнергии, были завезены 3 прекрасных новейших мощных металлообрабатывающих станка, 2 локомотива, сеялки, сцепки и т.п. Эта техника, как и в других

МТС, ржавеет на улице. За год мы притерпелись и смотрели на это, как на обычные вещи. Привыкли к тому, что нет мастерской, что труд не подразделяется на разряды, а разряд один на все и всех. Благодаря этому трактористы не желают учиться — для чего?! Если приедете, много интересного увидите, во многом обязательно поможете. Поговорите со многими людьми самых разных регионов. Я обязательно познакомил бы Вас. Приезжайте, товарищ Яшин. Наш адрес — КФССР, ст. Сосновец, с. Лехта. Фамилия директора тоже Яшин»⁶⁵.

В ответ на написание остросоциальной прозы в периодической печати появлялись и псевдописьма от земляков, осуждавших товарища Яшина. Как правило, они являлись частью идеологических кампаний, инспирированных властью. Однако в личных заметках литературоведов встречались иные данные. Литературный критик, прозаик, мемуарист В. Я. Лакшин, в 1960-е гг. — первый заместитель главного редактора журнала «Новый мир», 27 февраля 1963 г. упоминал в своем дневнике: «Я составил для очередного номера обзор читательских писем по А. Яшину и В. Некрасову. Есть письма замечательные, с таким серьезным пониманием совершающегося в литературе, что диву даешься. Это не графоманы пишут, а люди, которые, может быть, впервые обращаются в редакцию». Вскоре в журнале была организована трибуна читателя о «Вологодской свадьбе» Яшина. Приток писем в редакцию значительно усилился в связи с тем, что в печати вокруг этого произведения завязалась дискуссия. Редакция предоставила слово читателям «Нового мира», выразившим желание принять участие в этой полемике: «... Большое спасибо редактору этого очерка. Но еще больше я благодарен моему земляку Александру Яшину за его новое произведение социалистического реализма. Вчера у нас в Доме культуры была читательская конференция. И очень жалко, что Вас не было в Вологде. Вы почувствовали бы, что у Вас много друзей, которые уважают и ценят Ваш талант как писателя-реалиста. Конечно, были люди, не скрою, которые обижались на Вас. Многие читатели говорят, что ни одного положительного героя в Вашем произведении нет и что учиться нашей молодежи не на чем. Они глубоко заблуждаются. Таким товарищам мне хочется посоветовать: “Прочитайте еще раз, внимательно”. Я очень хорошо почувствовал Ваше теплое, любовное отношение к нашим землякам, нашему народу. И очень правильно, как говорят в народе — “молодец”, что Вы затронули столько важных вопросов жизни нашей деревни. Это только на пользу нашим руководителям, нашей молодежи, которую Вы учите смело смотреть на действительность, глубоко задуматься над смыслом жизни. Просто замечательно, что Ваш очерк вышел в свет. И я просто рад за Ваше новое произведение, потому что оно находит отклик у всех простых и честных людей. Желаю Вам новых успехов. Ваш читатель Валерий Зязин (Вологда)»⁶⁶.

Слова одобрения, народной любви встречались во множестве отзывов читателей, разглядевших суть яшинского слова, направленного не на то, чтобы обругать власть, а на то, чтобы обратить внимание на давно укрепившиеся и укоренявшиеся проблемы. О проявлении читательского любопытства, заинтересованности рассказывает письмо в «Литературную газету» от В. А. Червунина (Литовская ССР, г. Вильнюс) от 20 ноября 1967 г.: «Читая “Литературную газету” № 44 от 1 ноября 1967 года,

я с волнением читал статью “Пишет сельский сход” писателя Яшина. Оказывается, Яшин мой земляк и в книге “Вологодская свадьба” описывает свадьбу, которая проходила по нашим деревенским обычаям. Товарищ Яшин прекрасно знает деревню Кожаево, которая находится не далеко от его родины. Я на родине не был с 1942 года и хотелось узнать, какие изменения произошли в наших краях. Очень сожалею, что в магазинах книготорга я не мог достать этой книги и прочитать. Если Вас не затруднит, я убедительно прошу переслать это письмо товарищу Яшину, у которого прошу извинения за беспокойство и совета, где можно достать 1 экземпляр этой книги, которую я бы хранил как самый дорогой сувенир о родном крае. Стоимость книги я переведу по указанному мне адресу. Без задержки. Хочется сопоставить сельскую жизнь нашего района с жизнью колхозников Литвы. Очень сожалею, что до сих пор мои земляки применяют для освещения лампу, и что у них нет стекол»⁶⁷.

Резюмируя сказанное, отметим, что А. Я. Яшин — ключевая фигура не только вологодской литературной школы, но и культурного пространства Русского Севера, союзного масштаба. В ряду российских писателей — своих современников Яшин, определенно, занимает почетное место. В развитии региональных литературных процессов он не раз бывал первопроходцем. Талант автора, его творческая и общественная деятельность способствовали сплочению писателей, мировоззренчески близких к решительной позиции, транслируемой Яшиным в литературной и публицистической деятельности. Консолидация и сплочение писательских сил усиливались во время идеологических проработок. Это оказывало прямое влияние на эволюцию общественного сознания. Яшин, Викулов, Романов, Овечкин, Белов, Солженицын и другие авторы образовали поле идейного единения и сопротивления упрекам, которые базировались на обвинениях в клеветничестве и злопыхательстве. Оценку деятельности Яшина, с которой нельзя не согласиться, представил поэт Романов: «Жизнь протерла глаза тем, кто упрекал писателя в очернительстве, и они сами увидели теперь, что он все-таки прав. Перечитывая ныне эти горячие страницы, еще раз убеждаешься в зоркости и точности яшинского взгляда на жизнь, на ее болевые точки»⁶⁸.

Отход от социалистического и переход к критическому реализму, гражданская смелость и стойкость Яшина снискали уважение передовой части советских читателей, общественных, литературных и некоторых партийных деятелей. Черты ментальности, общественного сознания и поведения, формирующиеся в социальной среде решительно настроенных авторов, а также почитателей писательского таланта вырастали из понятий совестливости, справедливости и противостояли укоренявшимся явлениям и идеалам индивидуализма, накопительства, потребительства, собственничества, воровства, кумовства. Социально-психологические портреты групп формировавшейся социально-трудовой общности и условий жизни в новой обыденности 1950-х — 1960-х гг. представлены в психологических, остросоциальных очерках и злободневной прозе Александра Яшина⁶⁹, задававшего своим примером тон и нравственный ориентир целой плеяде региональных литераторов второй половины XX в. Изучение наследия автора показывает, что Яшин затрагивал проблемы идейного спора о принципах социалистического руководства, де-

монстрировал опыт социального и нравственного анализа событий, в том числе противоречий взаимодействия между социумом и властью. В этой связи осмысление истории литературного процесса XX в. в контексте исследования творчества и общественной деятельности А. Я. Яшина, а также его ближайшего окружения представляется весьма важной задачей. Восстановление лакун биографии художников слова, учет идеологического давления на их творчество, определение их реальной роли в истории советской литературы является актуальной проблематикой дальнейших научных изысканий.

Примечания

1. БЕЛОЗЕРЦЕВ И. Тайны Бобришного Угора. — Авангард. 2003. 1 февраля, с. 5.
2. СТОЛЕТОВА А. С. Литературная репутация и творчество писателя А. Я. Яшина (исторический контекст). — Вопросы истории. 2019. № 11, с. 158—168.
3. ОБОТУРОВ В. А. Родившись заново: лирическая трилогия Александра Яшина. В кн.: Сквозь магический кристалл. Вологда. 2010, с. 11—76.
4. БАРАКОВ В. Н. Яшин (Попов) Александр Яковлевич. В кн.: Выдающиеся вологжане: [биографические очерки] / Редколл.: Г. В. Судаков (пред.) и др. Вологда. 2010, с. 418—421.
5. О дружбе А. Яшина и А. Романова см.: РОМАНОВ А. Яшинские письма [1962—1964 гг.]: [о переписке с А. Яшиным]. — Красный Север. 1984. 11 июля, с. 4.
6. БАДАНИНА В. «Добру откроется сердце». — Авангард. 1985. 11 июля. [Газетная вырезка. Фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А. Я. Яшина г. Никольска». Текущий архив].
7. СТОЛЕТОВА А. С. Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера: Монография. Вологда. 2018, с. 98—111.
8. ЛУКЬЯНОВА В. Он знал Яшина: [об Авенире Петровиче Борисове, однокурснике А. Яшина по учебе в Никольском педтехникуме; его воспоминания о поэте]. — Авангард. 1998. 23 июля; СОЛОУХИН В. Дорога к правде. — Там же. 2003. 27 марта, с. 3; ПАВЛОВ А. Преодоление: [о жизни и творчестве А. Яшина]. — Там же. 1994. 29 марта. [Газетные вырезки. Фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А. Я. Яшина г. Никольска». Текущий архив].
9. ТОМИЛОВ В. Правды он выдал слово критически: [о произведениях А. Яшина «Рычаги» и «Вологодская свадьба»; о реакции на них партийного руководства и критике писателя]. — Там же. 2005. 7 июля, с. 4.
10. Автор «Рычагов» навсегда останется в русской литературе: [письмо А. И. Солженицына к А. Я. Яшину, написанное в больнице 11 июля 1968 года]. — Эхо. 1990. № 6 (июнь), с. 5.
11. ПАВЛОВ А. Босиком по земле с распахнутым сердцем: к 79-летию А. Яшина: [о жизни и творчестве поэта]. — Авангард. 1992. 26 марта. [Газетная вырезка. Фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А. Я. Яшина г. Никольска». Текущий архив].
12. КУВАЕВ А. Поэт в России больше, чем поэт. — Там же. 2003. 17 июля, с. 4.
13. СТОЛЕТОВА А. С. Александр Яшин: становление идеологии..., с. 112—120.
14. ЕЕ ЖЕ. Идеологическая кампания против писателя А. Я. Яшина, инспирированная властью в первой половине 1960-х гг. — Вестник Вологодского государственного университета. 2019. № 1 (12), с. 47—50.
15. Российская государственная библиотека (РГБ), ф. 647, к. 19, ед. хр. 2, л. 24.
16. Там же, к. 35, ед. хр. 4, л. 6.
17. Там же, л. 11.
18. Там же, ф. 647, к. 24, ед. хр. 31, л. 1.
19. КУВАЕВ А. «Добру откроется сердце»: об Александре Яшине, его стихах и прозе. — Авангард. 1999. 8 июля, с. 2.
20. БАРАКОВ В. Н. Вчера и сегодня. — Литературная Вологда: Альманах / [ред.: А. А. Цыганов, В. А. Плотников]. Вологда. 2007. [Вып. 2], с. 274—290.

21. КОСТЫЛЕВА О. Простота и правда: [о жизни и творчестве А. Яшина и Н. Рубцова]. — Авангард. 1998. 28 марта. [Газетная вырезка. Фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А. Я. Яшина г. Никольска». Текущий архив].
22. РГБ, ф. 647, к. 14, ед. хр. 44, л. 53.
23. СТОЛЕТОВА А. С. Русская деревня в жизни и творчестве В. И. Белова в 1960-е гг. — Вопросы истории. 2018. № 12, с. 111—119.
24. ЯШИНА Н. А. «Из распутия, из бездорожья...»: к 90-летию со дня рождения писателя А. Я. Яшина. — Литературная газета. 2003. 10—16 сентября, с. 14.
25. СТОЛЕТОВА А. С. Роль А. Я. Яшина в становлении Вологодской областной писательской организации. — Ярославский педагогический вестник. 2014. № 2. Т. 1: Гуманитарные науки, с. 301—306.
26. РГБ, ф. 647, к. 13, ед. хр. 25, л. 1.
27. Там же, к. 14, ед. хр. 44, л. 14—15.
28. Там же, л. 21.
29. Там же, л. 15.
30. Там же, л. 21.
31. Там же, л. 23.
32. Там же, л. 35.
33. Там же, л. 54.
34. Там же, л. 59.
35. ЯШИН А. Я. Завещание: страницы из дневника / Публ. З. К. Яшиной. — Вологодский комсомолец. 1978. 9 июля. [Газетная вырезка. Фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А. Я. Яшина г. Никольска». Текущий архив].
36. РГБ, ф. 647, к. 25, ед. хр. 55, л. 1.
37. Там же, л. 16.
38. Там же, л. 22.
39. Там же, л. 26.
40. Там же, л. 33.
41. Там же, л. 41.
42. Там же, л. 45, 53.
43. РОМАНОВ А. А. Уроки Александра Яшина. — Авангард. 1983. 14 июля. [Газетная вырезка. Фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А. Я. Яшина г. Никольска». Текущий архив].
44. РГБ, ф. 647, к. 35, ед. хр. 4, л. 1.
45. Там же, к. 20, ед. хр. 55, л. 1.
46. Там же, к. 35, ед. хр. 4, л. 2.
47. Там же, л. 6, об.
48. Там же, л. 9.
49. Там же.
50. Там же, л. 10.
51. Там же, л. 12.
52. Там же, л. 2.
53. Там же, л. 16—17.
54. Там же, л. 18.
55. Печатные материалы фонда МБУК «Историко-мемориальный музей А. Я. Яшина г. Никольска» о дружбе А. Яшина и Н. Рубцова. [Б. а.], [б. м.], [б. г.].
56. РОМАНОВ А. Яшинские письма [1962—1964 гг.]: [о переписке с А. Яшиным]. — Красный Север. 1984. 11 июля, с. 4.
57. РГБ, ф. 647, к. 35, ед. хр. 4, л. 11.
58. БАРАКОВ В. Н. Яшин (Попов) Александр Яковлевич. В кн.: Выдающиеся вологжане / Гл. ред. Г. В. Судаков. Вологда. 2010, с. 429.
59. ПШЕНИЧНИКОВ А. П. Приезжайте в Кожаево. Никольск. 2003, с. 52.
60. КОРЮКАЕВ В. П. Самородок из Тимониhi: жизнь и творчество Василия Белова. Вологда. 2006.
61. Там же.
62. ЯШИНА Н. А. Из дневников А. Яшина. — Авангард. 1993. 30 марта, с. 3.
63. Бобришный Угор: страницы из дневника. — Авангард. 1979. 27 сентября, с. 3—4.

64. ЛЕДНЕВ Ю. Яшин: [о жизни и творчестве писателя]. — Русский Север. 1999. 2 июня, с. 7.
65. РГБ, ф. 647, к. 13, ед. хр. 20, л. 30—32.
66. ЛАКШИН В.Я. «Новый мир» во времена Хрущёва: Дневник и попутное (1953—1964). М. 1991; URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221962-01-01%22&diaries=%5B316%5D>
67. РГБ, ф. 647, к. 13, ед. хр. 20, л. 10.
68. КУВАЕВ А. Александр Яшин и его повесть «Вологодская свадьба». — Авангард. 2002. 26 марта. [Газетная вырезка. Фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А. Я. Яшина г. Никольска». Текущий архив].
69. СТОЛЕТОВА А.С. Правда и ложь социалистического реализма: произведения деревенской прозы второй половины XX в. (на примере творчества А. Я. Яшина). В кн.: Политическое пространство и социальное время: Правда и ложь в политике и искусстве: Сб. науч. тр. XXXVI Международного Харакского форума (г. Ялта, 15—17 мая 2019 г.) / Под ред. Т.А. Сеньюшкиной и Д. Танчича. Симферополь. 2019, с. 264—268; ЕЕ ЖЕ. История трансформации уклада деревенской жизни в повести А. Я. Яшина «Сирота», осмысленная эмигрантом Т.К. Чугуновым. В кн.: Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность: Сб. науч. ст. Будапешт—Киров. 2020, с. 412—419.